

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Марии Николаевны Панчехиной «Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 — Теория литературы. Текстология.

Диссертационное исследование Марии Николаевны Панчехиной относится к числу теоретико-литературных, так как объектом изучения в нём является категория художественного метода. Что такое художественный метод? Способ освоения реальности художником, зависящий от его мировосприятия и системы ценностей и предполагающий определённый системный художественный инструментарий, с помощью которого создаётся авторская модель мира. Другими словами, есть некое фундаментальное содержание и есть его реализация в художественной органике.

Типологизация художественных (литературных) явлений, выстраивание их в ряды по тем или иным признакам — дело, для теории литературы привычное. Однако и теория литературы может быть разной: она или отталкивается от существующих понятий, включая сомнения относительно их устойчивости и «готовности», или отталкивает художественные явления, которые в эти понятия так или иначе не вписываются. Для одних теоретиков литературы существует презумпция понятий, для других — презумпция творчества. Диссертация Марии Николаевны Панчехиной — показательная попытка соотнести объект (магический реализм) и предмет (романное творчество М.А. Булгакова, рассмотренное в аспекте заданного объектом художественного метода), то есть показать, как теория проверяется художественной практикой. Цель диссертационного исследования - теоретико-литературное осмысление феномена магического реализма как художественного метода в его соотнесённости с важнейшими категориями поэтики - жанром и стилем, а также со спецификой художественного слова -

~ 481/01-42/
11.08.2017

обоснована и представляется научно значимой, как и поставленные для её решения задачи.

Что такое магический реализм как художественный метод? Это метафора, зародившаяся в языке описания живописи, затем перенесённая в язык описания латиноамериканской литературы и продолжающая аккумулировать вокруг себя художественные явления, уже, казалось бы, вписанные в контекст другой методологии. Произнесённое однажды, словосочетание «магический реализм» само обнаруживает свою магическую природу, блуждая в ноосфере и покрывая собой всё большее культурное пространство. Прелесть теории литературы в том, что это особая наука, в которую неизбежно проникает искусство; задача этой науки — дать строгое и по возможности непротиворечивое обоснование тем метафорам, которые, проникнув в неё, становятся частью её собственного языка.

Работа М.Н. Панчехиной свидетельствует о том, что художественный метод продолжает по сей день оставаться одной из актуальных категорий, побуждающих к научной деятельности. Конкретизация и систематизация такого явления, как магический реализм, и уточнение семантической «валентности» обозначающего его термина актуальны как в общенаучном контексте, так и в контексте русской литературы XX века, в частности, в творчестве М.А. Булгакова. Та картина действительности, которая развёрнута в булгаковских произведениях, своеобразие творческого мышления писателя, место в этом мышлении фантастического действительно до сих пор вызывают затруднения при определении творческого метода, который называли и романтизмом, и фантастическим реализмом, и реализмом гротескным. М.Н. Панчехина продолжает этот ряд и предлагает в диссертации своё видение фундаментальных особенностей булгаковского романного творчества и свой путь их описания, выбрав в качестве концептуализирующего «реактива» обозначенный в теме художественный метод, который должен «прореагировать» с конкретным художественным материалом, раскрыв в нём нечто ранее не увиденное. Это и составляет

научную новизну диссертации.

Структура работы соответствует заявленной теме, поставленной цели и задачам. Работа М.Н. Панчевой состоит из Введения, трёх глав, Заключения и Списка литературы, насчитывающего 214 позиций.

В первой главе диссертации даётся история понятия «блуждающего» термина «магический реализм» и его актуализаций Ф. Роо и Ортегой-и-Гассетом, М. Бонтемпелли, С. Шаршунном и В. Фаворским. Диссертантка показывает, как формируется методология магического реализма в контексте программных очерков, эссе ярких представителей данного художественного метода - Х.Л. Борхеса, А. Карпентьера, Г.Г. Маркеса. Основываясь на идеях Борхеса, Астуриаса, Карпентьера, Маркеса, М.Н. Панчева соотносит их с синхронными идеями А. Белого и П. Флоренского, обрисовывая общекультурный контекст исследуемого понятия. Выясняя отношения между терминами, М.Н. Панчева, вслед за своими предшественниками в истории вопроса, отмечает, что магический реализм — поиск новой оптики, сопрягающей рациональное и иррациональное.

Той категорией, которая обусловила собственно теоретическое наполнение понятия «магический реализм», является, по мнению диссертантки, категория визуального, предполагающая разграничение реальности на области видимого (явного) и невидимого (тайного), а зрения — на внешнее и внутреннее. В связи с категорией визуального актуализируются карнавал и другие ритуальные действия как зрелища особого рода, компенсирующие то, что автор не может увидеть обычным зрением (очевидно, имеется в виду проникновение в глубину коллективного бессознательного). При этом смысл карнавала понимается как поиск новой реальности, а ряженье названо визуальным эффектом, связанным с поиском новых жизненных ролей. Такое понимание едва ли является верным, так как карнавал, как и любой ритуал, скорее тяготеет к воспроизводству «старого»

миропорядка и «отменяет» время. Карнавал — способ символического (и магического) общения с потусторонним, представленным в образах ряженных. Карнавал действительно представляет собой практическую магию и является способом темпорализации пространства, разрушая реальное время и возвращая участников к времени сакральному (к началу времён). Как и магический реализм, карнавал имеет дело с двоимирием: двоимирие карнавала — это взаимодействие живого и мёртвого, а двоимирие магического реализма актуализировано в диссертации как взаимодействие мира реального и мира потаённого, находящего своё осмысление как художественное (вымышленное). При таком соотнесении произведение, относящееся к магическому реализму, действительно эквивалентно карнавалному действу и развёрнуто в карнавализованном хронотопе. Эта особенность булгаковской поэтики была отмечена исследователями, но не все связывали её с особенностями метода.

Говоря о проблемах взаимодействия мира реального и художественного, М.Н. Панчехина отмечает двусторонность этого взаимодействия: «не только реальный мир может воздействовать на художественный, но и художественная реальность может влиять на действительность» (с. 19 Дис.). Таким образом логика соотнесения смежных понятий приводит к актуализации веры в магию изображения и слова, на которой и основан исследуемый творческий метод. Магическое связано с представлением о чудесной реальности, которая у магических реалистов, в отличие от во многом схожих с ними романтиков, представлена словом, которое, приходя в соприкосновение с реальностью, способно эту реальность изменить. Речь идёт о магической функции языка как особой многомерной реальности. Магический реализм, таким образом, основан на представлении о многомерности различных взаимодействующих миров, которые подобны друг другу (а как известно, подобное лечится подобным, поэтому возможно лечить мир словом). Однако позволю себе не согласиться с утверждением, что магическая функция слова наиболее ярко проявляет себя в больших

повествовательных формах (скорее уж в лирике и драме). Такое предпочтение диссертантки можно объяснить увлечением трудами М. Бахтина.

Собственно развитию идеи многомерности посвящена вторая глава диссертационного исследования М.Н. Панчехиной, в которой она сопрягает представления о двумерности литературного произведения, с одной стороны, и, с другой, стороны, жанра и слова как трёхмерных величин. Диссертантка раскрывает отношения между этими разноуровневыми мерными величинами как отношения подобия, чреватого внутренним напряжением, обусловленным соотношением двумерного (два измерения литературного произведения — внешнее и внутреннее) и трёхмерного (трёхмерными структурами представлены жанр, слово и стиль). Четвёртым измерением является темпоральное.

Как пятое измерение в диссертации актуализируется живое слово, которое образует особый — чудесный — уровень реальности, способный магически воздействовать на «жизнь как она есть». Слово — то самое искомое пятое измерение — таинственное пространство, явленное в знаменитом булгаковском романе как безусловная ценность.

Здесь напрашивается вопрос о том, как соотносятся в булгаковской концепции четвёртое и пятое измерения? Если пятое измерение является приоритетным, то не отменяет ли оно четвёртого (как его отменяет карнавал или другие ритуалы)? Ведь слово — аналог машины времени, которое позволяет перемещаться во времени, как в пространстве (что особенно наглядно в финале «Мастера и Маргариты»). Иначе как объяснить догадку булгаковского изобретателя машины времени, который объявляет время фикцией («Да впрочем, как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего... Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?..»). Неслучайно в пьесах о машине времени время овеществлено в вещах, принадлежащих разным временным «срезам» (костюмам); времена похожи

друг на друга (как домоуправ Бунша похож на Иоанна Грозного), подобны, могут быть обменены, изъяты, возвращены, а следовательно, обратимы. Из времени можно улететь (хотя это мало что принципиально меняет), и единственный способ это осуществить — быть мастером, то есть истинным художником.

В целом научная рефлексия автора диссертации о пятом измерении очень интересна, хотя и излишне усложнена. Нельзя не согласиться с диссертанткой, которая пишет, что «термин "измерение" и его дефиниция являются для теории литературы методологической проблемой» (с. 72 Дис.), но, возможно, не стоит видеть термины там, где их нет; гораздо больше можно увидеть в художественном тексте (на то он и магическая реальность). Усложняет и утяжеляет исследовательский сюжет второй главы и жанровая (именно романная) составляющая.

Что касается актуализации магической функции языка, то здесь интуиция ведёт М.Н. Панчехину в правильную сторону: от исследований магической функции языка совсем близко до исследования языка поэтического (см., например, работы Г.О. Винокура о поэтическом языке, В. Шмида о пушкинской прозе, Н. А. Фатеевой о Пастернаке и статью Е. Фарино, которая имеет непосредственное отношение к теме диссертации (*Фарино Е. Язык в языке (Несколько наблюдений над полиглотизмом в «Мастере и Маргарите»*) // Wiener Slawistischer Almanach. - Bd.14. - Wien, 1984.-С. 139-151)).

Третья глава диссертационного исследования М.Н. Панчехиной — проекция понятия «магический реализм» на романное творчество М.А. Булгакова. Логика рассуждений диссертантки в этом разделе начинается с указания на родовую специфику булгаковского творчества, которое признаётся синкретичным, но приоритет отдаётся романному жанру. В булгаковских романах М. Панчехина актуализирует особую, многомерную (пятимерную, в соответствии с той логикой, которая была выстроена в предыдущем разделе) пространственную модель, причём первые «три

измерения соотносятся между собой как известные родовые начала в рамках жанра романа» (с. 110 Дне.). Четвёртое измерение — время, а пятое «как бы размыкает внутреннее пространство художественного произведения; можно говорить и о том, что именно оно демонстрирует природу творчества, которое онтологично по своей сути, а значит, может напрямую воздействовать словом на человеческую жизнь и бытие» (с. 110 Дис.).

Далее, речь идёт о специфике городского и домашнего пространств в булгаковских романах, которым присущи многослойность и многомерность. Эти пространства актуализируются как символические и театрализованные; наличие символического пласта в топографии автора позволяет говорить о корреляции московского и киевского пространства, их обращённости друг к другу и диалогизации, которая осуществляется через их соотнесённость с образом Ершалаима. Все булгаковские города действительно похожи друг на друга (как похожи, подобны и все его произведения в смысле той идеи, которая в них реализована) и действительно выполняют функцию символической сцены, включающей в себя как подобные и образ дома-корабля, и образ церкви (сценичность является общим свойством всех названных локусов). Однако есть ещё один тип театрального пространства, о котором М.Н. Панчехина не говорит: это сад, который тоже имеет много символических коннотаций и который в художественном мире Булгакова (и в романном мире) представлен системно.

Здесь не соглашусь с таким утверждением: «Однако вряд ли в контексте булгаковского романа «Белая гвардия» можно говорить о полноценном противопоставлении бессмертных произведений искусства той смуте, которая царит в Городе» (с. 128 Дис). А какова же тогда функция магического (символического), если не противостояние реальному времени? Представляющий магический реализм художник неизбежно существует в координатах «временное — вечное, земное — вселенское, реальное — возможное». Включение человека в более широкие связи с мирозданием, нежели это предполагает классический реализм девятнадцатого века,

предполагает построение художественного пространства именно как мироздания, то есть континуума, спрягающего дом (здание) и мир, а значит, вчитывание в этот континуум определённых сверхсмыслов. Но что «магический» художник понимает как мир — вот вопрос. Границы обычного пространства и времени при этом раздвигаются, размыкаются в некое сверхпространство (одни представляют его как астральное, другие — как пространство культуры, в котором прошлое, настоящее и будущее символически сопрягаются). У Булгакова выходы из времени осуществляются через культурные символы и в культуру, которая является единственным возможным убежищем, и это М.Н. Панчехина чувствует, но как будто в этом сомневается. Вечный дом — это именно внутреннее пространство культуры, которая сохраняет не реальных людей, а их образы. Как пишет А.В. Злочевская, определяющая булгаковский реализм как «мистический», у Булгакова именно и ставится под сомнение «онтологический приоритет» реальности перед порождениями творческого вымысла, перед книгой (художественной реальностью), за счёт чего возникает специфический сплав мистики онтологической с «metafiction» — «метафикциональной прозой».

Последний параграф третьей главы посвящён рассмотрению вопроса о специфике слова в «Мастере и Маргарите», и здесь очень точно замечено, как взаимодействуют в романе образы жанров и языков. Рассматривая в связи с темой многоязычия известные родовые начала и разграничивая различные языковые уровни (верх — низ), М.Н. Панчехина особое внимание уделяет приёму языкового смешения, в результате которого рождается смех. Очень точно отмечено, что в «Мастере и Маргарите» это явление имеет отношение к обрядово-ритуальной сфере.

Магия — символические действия, предполагающие обращение к тайным силам и эти тайные силы проявляющие. Маг — предсказатель, колдун, целитель. У Булгакова маг — писатель, но, разумеется, не всякий. Эту разницу между писателем вообще и трижды романтическим мастером (а

есть ещё и символические персонажи — Иешуа и Воланд) и показывает нам закатный булгаковский роман. Если руководствоваться общепринятыми представлениями о том, что магия — это изменение настоящего или будущего без прямого физического воздействия на реальную действительность, то именно «Мастер и Маргарита» реализует в своей фабуле веру в такого рода магию.

Итак, диссертация Марии Николаевны Панчехиной «Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова» является оригинальным и самостоятельным научным исследованием, в котором убедительно обосновывается принадлежность романного творчества писателя к заявленному в теме художественному методу. Диссертация опирается на авторитетную и широкую методологическую базу, написана понятным научным языком и содержит выводы, логично завершающие исследовательские сюжеты каждой главы. Положения, вынесенные на защиту, отражают логику диссертации.

Разумеется, в ходе чтения работы М.Н. Панчехиной возникают и замечания. В Списке литературы, например, отсутствует монография В.В. Химич, посвящённая творчеству М. Булгакова. Как отмечает, ссылаясь на А.З. Вулиса, В.В. Химич, разногласия реализма, романтизма, модернизма вращаются вокруг «миметической оси» и сводятся, в конечном счёте, к обсуждению проклятого вопроса специфике зеркала, о характере его кривизны. Говоря о присутствии булгаковским произведениям законе зеркальности, который распространяется на все структурные уровни и, начинаясь на уровне слова, захватывает образы и композицию, эксплицитно и имплицитно воплощает метафору зеркала, В.В. Химич по сути размышляет о том же самом, о чём и М.Н. Панчехина, то есть о художественном методе писателя, который определяет как реализм, только называет она булгаковский реализм не магическим, а странным, соотнося этот вид реализма с реализмом фантастическим и гротескным. «Оставаясь на почве реальности и в некотором смысле даже культивируя самозначимость её очевидности и

беспорной простоты, Булгаков прибегает к системе, так сказать, оптической компенсации, обнаруживая с помощью неё «новое расстояние, новую протяжённость, новую глубину в отобранном для изображения материале» (Химич В.В. В мире Михаила Булгакова. Екатеринбург, 2003. С. 71). Магическое имеет отношение к зеркалу, является одной из функций зеркала. Всеобъемлющим структурообразующим средством в романе «Мастер и Маргарита» В.В. Химич называет принцип зеркальности, а приоритетным художественным приёмом — сон. Зеркало является моделью творчества, а нарушение аксиомы непроницаемости зеркала, как отмечает Ю.И. Левин, влечет за собой возможность проникновения человека в иной мир (миры) и вообще взаимопроникновения и взаимодействия двух (и более) миров. Другими словами, магический реализм немислим без категории зеркальности. К тому же он немислим без сна как одного из проявлений зеркальности как структурообразующего принципа. Как инструмент, меняющий конфигурацию реальности и порождающий бесконечность, зеркало значимо и у Х. Борхеса как одного из основателей магического реализма («Борхес и я», «Вавилонская библиотека»). Однако ни зеркало, ни сон не названы в числе признаков магического реализма в работе М.Н. Панчехиной, хотя она говорит о примате видения над реальностью, характерных для представителей этого метода.

Ещё одно замечание я уже высказала выше. По словам К.Н. Кислицына, магический реализм можно по праву считать важной частью, важным звеном в проекции коллективного бессознательного, раскрывающим зашифрованные интертекстуальные возможности и связи современного искусства как отражения реальной жизни человека. М.Н. Панчехина, задумываясь о возможности ассоциативной соотносимости предметов и их свойств в художественном времени и пространстве явлений, относящихся к магическому реализму, не касается того состава коллективного бессознательного, которое у Булгакова представлено как литературное/культурное «бессознательное». Между тем именно оно

выделено, если говорить языком композиции, в конструкции «текст в тексте», которая делает наглядной логоцентрическую модель реальности, в которой текст занимает отведенное ему центральное место и тем самым сакрализуется. Для работы, в которой магия слова является одним из оснований для отграничения творческого метода, это аспект, на наш взгляд, был бы очень плодотворным.

Позволю себе ещё несколько вопросов.

1. Почему материал исследования ограничивается романами М.А. Булгакова? Значит ли это, что обозначенный метод актуален только в романном контексте?

2. Классифицируя способы реализма, А.А. Гугнин причисляет роман «Мастер и Маргарита» к фантастическому реализму.; А.В. Злочевская определяет булгаковский метод как мистический реализм. Действительно, высказывание «Я — мистический писатель» можно считать творческим *credo* Булгакова. Тут возникает неизбежный вопрос: все перечисленные разновидности реализма — это синонимы?

3. Произведения магического реализма, синтезировавшие реалистическую эстетику с национальной мифологией, имеют общие черты с мифологическим романом, развившимся в русле модернистской эстетики. Б.М. Гаспаров называет роман «Мастер и Маргарита» романом-мифом. Как соотносится роман-миф с концепцией магического реализма?

4. Как пишет К.Н. Кислицын, в произведениях магических реалистов отсутствует психологический анализ уровня романов М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Л. Толстого. Можно ли применить к романному творчеству М.А. Булгакова такую особенность магического реализма, как отказ от психологического детерминизма?

Однако высказанные нами замечания и вопросы не отменяют общей высокой оценки диссертации, которая написана самостоятельно, обладает внутренним единством и содержит новые научные результаты. Диссертантке удалось внести личный вклад в исследование феномена «магического

реализма», обнаружив совокупность признаков этого метода в романном творчестве М.А. Булгакова. Материал диссертации многократно апробирован в научных докладах и публикациях. Автореферат и публикации (в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК) адекватно отражают содержание исследования. Исследование соответствует паспорту заявленной специальности.

Полагаю, что представленная к защите диссертация Марии Николаевны Панчехиной «Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова» является оригинальным научно-квалификационным исследованием, которое соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней и утвержденным Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 27.02.2015 г. № 2-13. Автор диссертации, Мария Николаевна Панчехина, заслуживает присвоения ей учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 — Теория литературы. Текстология.

18.07.2017 г.

Официальный оппонент
доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 — русская литература),
профессор кафедры теории, истории и методики
преподавания русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»
394043, Воронеж, ул. Ленина, 86.
Телефон: +7 (473) 254- 56- 43; e-mail rectorat@vspu.ac.ru

Елена Александровна Иваньиина

подпись
Начальник управления кадров
ФГБОУ ВО «ВШУ»

Согласна на автоматизированную обработку персональных данных.

Елена Александровна Иваньиина